

молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 нояб. 2020 г. / Респ. ин-т высш. шк.; редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 43–46.

8. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва: Логос, 2002. – 390 с.

9. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 240 с.

10. Огурцов, А. П. Антипедагогика: вызов постмодерна / А. П. Огурцов // Высшее образование в России. – 2002. – № 4. – С. 54–68.

11. Огурцов, А. П. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А. П. Огурцов, В. В. Платонов. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2004. – 520 с.

12. Волков, В. Н. Знание, образование и университеты в мире постмодерна / В. Н. Волков // Никоновские чтения: сб. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т. – Чебоксары, 2016. – Т. 1. – С. 52–64.

(Дата подачи: 11.02.2025 г.)

И. Н. Сидоренко, Д. С. Курачинская

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko, D. S. Kurachinskaya

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)+141.319.8

МИМЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РЕНЕ ЖИРАРА: ЖЕЛАНИЕ – СОПЕРНИЧЕСТВО – НАСИЛИЕ

THE MIMETIC THEORY OF R. GIRARD: DESIRE – RIVALRY – VIOLENCE

В настоящем исследовании авторы обращаются к анализу миметической теории насилия французского мыслителя Рене Жирара с целью прояснить взаимосвязь желания, соперничества и насилия. Исходя из их миметической природы, авторы статьи аргументируют основную идею: желание выступает в качестве топлива для соперничества и насилия, что в состоянии кризиса жертвоприношения, выражающегося в нивелировании различий, создает риски эскалации насилия. Понимание взаимосвязи и миметической природы желания и насилия позволяет прояснить как природу фейков в информационной среде, причины повышения уровня агрессии в иллюзорной безнаказанности интернет-среды, так и опасность культуры отмены, порождающей убийственное амбивалентное тождество: палач – жертва.

Ключевые слова: миметическая теория Р. Жирара; жертвенный кризис; желание; соперничество; насилие; фейк; культура отмены.

In this article, the authors turn to an analysis of French thinker René Girard's mimetic theory of violence in order to clarify the relationship between desire, rivalry, and violence. Based on their mimetic nature, the authors argue the main idea: desire acts as fuel for rivalry and violence, which, in a state of crisis of sacrifice, expressed in the leveling of differences, creates risks of escalating violence. Understanding the interconnection and mimetic nature of desire and violence allows us to clarify both the nature of fakes in the information environment, the reasons for the increase in the level of aggression in the illusory impunity of the Internet environment,

and the danger of the culture of abolition, which generates a murderous ambivalent identity: executioner – victim.

Keywords: mimetic theory of R. Girard; sacrificial crisis; desire; rivalry; violence; fake; cancel culture.

В современном мире начала XXI в. одновременно осуществляются как интеграционные, так и дезинтеграционные процессы, что, в целом, под вопрос ставит как стабильность и безопасность, так и суверенитет национальных государств, подрывая мирное международное сосуществование. Интеграция сфер жизнедеятельности человека как результат процесса глобализации девальвирует уникальность как национальных культур, так и индивидуума, стирая различия и формируя чудовищную тождественность. Конфликты приводят к разломам в структуре социально-экономических и культурных институтов, принимая общемировой характер. Мир вступает в ситуацию глобальных кризисов, находясь в нестабильном состоянии, а насилие обретает тотальный характер. Вместе с тем информационно-сетевое общество формирует новую платформу для диспозиции насилия. Индивид включен в процессы как реального, так и виртуального пространства, постепенно утрачивая осознание различий между ними и ощущая ложную безнаказанность и вседозволенность на фоне все усиливающего контроля информационной среды. В силу этого возникает необходимость обратиться к различным концепциям, раскрывающим феномен насилия, для того чтобы лучше понимать его и, соответственно, находить более эффективные механизмы и способы его минимизации.

Обратимся к анализу концепции насилия французского философа Рене Жирар, раскрывшего сущность институционализации ритуального жертвоприношения как гаранта стабильности и устойчивости общественного порядка. Выявив миметичность насилия, игнорирование которого неминуемо приведет к «жертвенному кризису», Р. Жирар задал направление в решении вопроса минимизации насилия. Концепция «жертвенного кризиса» Р. Жирара, несмотря на ее спорные и дискуссионные моменты, обладает методологическим потенциалом для понимания не только природы и сущности насилия, функциональной роли жертвоприношения в архаических сообществах, но и для раскрытия источников и механизмов насилия в современном мире. Анализируя архаические тексты обществ с помощью метода ретроспекции, Р. Жирар аргументировал тезис: насилие – фундаментальный элемент в зарождении культуры и ее дальнейшем развитии. В работах «Насилие и священное» [1] и «Козел отпущения» [2] Р. Жирар сделал акцент на сущности ритуалов жертвоприношения, их роли в антропогенезе и развитии человеческой культуры. Его основная идея заключается в том, что жертвоприношение выступает тем «цементирующим» элементом, благодаря которому происходит образование человеческого сообщества, интеграция его членов в единство и снижение конфликтности в обществе, минимизация насилия в целом [3].

Р. Жирар сформулировал собственное прочтение культуры сквозь призму теории мимесиса как шизофренического перетекания соперничающих желаний. Синтез желаний продуцирует антагонистические отношения, члены которых будут пытаться выявить различия. В каждый момент мимесис порождает новую взаимность, постоянно удваивая те же самые уловки, те же стратегии, усиливая, тем самым, эффекты зеркала [4, с. 201]. Борьба за признание, имплицитно содержащая желание, приводит к продуцированию доминантной модели поведения. Р. Жирар обращался к проблеме социальных аспектов подражания, определяя два рода мимесиса: обучения и присвоения (апроприации). Обучающий мимесис – созидаящий и направленный на преемственность во всех областях жизни. Мимесис апроприации – разрушающий, подвергаящий опасности целостность общественного тела. Его источником служит желание без объекта – дефицитность, проявляющаяся в неудовлетворенности и тревоге, подталкивающая к перманентному воспроизведению образца-препятствия. Если у человека миметическое играет фундаментальную роль, то неизбежно должно существовать и приобретаемое подражание, мимесис присвоения [4, с. 10].

Каждый, кто подражает иному человеческому «Я» (образ подражаемого), сталкивается с преградой, устраиваемой в процессе рассмотрения образца желания. Именно поэтому Double bind (двойной зажим) как результат фрустрации желания способствует развитию насильственных практик приобретения уже с ранних лет. Указания («подражай мне», «мне известен подлинный смысл жизни» и т. д.), принадлежащие к разным уровням коммуникации, формируют у человека склонность быть более подверженным к заразному свойству желания. Обращаясь к Эдипову комплексу З. Фрейда, Р. Жирар обнаруживает невидимую связь между миметическими эффектами и Эдиповым комплексом, что и зарождает соперничество [1, с. 206]. В свою очередь достижение желаемого возможно через нивелирование другого как субъекта желания. Поэтому насилие оказывается оборотной стороной желания, подпитывая бесконечный поток потребления, в котором человек, будучи низведенным до вещи, так же оказывается взаимозаменяемым и потребляемым. Миметическое желание вырождается в соперничество между оппонентами за человеческое «бытие», привлекая насилие – эффективный инструмент в борьбе. Парадокс насилия заключается в двойной роли: как инструмент и как собственно «бытие». Желание и насилие неразрывно связаны [1, с. 185].

Исходя из основных идей Р. Жирара, полагаем правомерным утверждать примат желания в устройстве человеческого «бытия». Амбивалентная трансгрессия миметического желания позволяет механизму насилия функционировать автоматически. Прямо пропорциональная зависимость между желанием и насилием указывает на «неистребимость» насилия. В «театре зависти» насилие прячется за маской, поэтому следует акцентировать внимание на имплицитность и тотальность насилия, встроенного в «здание» общества.

Миметическое соперничество – главный источник миметического насилия, позволяющий оппонентам дискредитировать друг друга. Ресентимент, зависть, ревность уподобляют вожделем, стирая действительные различия. Подражая истинному Богу, человек подражает образцам независимости и неуязвимости, отнюдь не приобретая упомянутые качества. Однако валидно и обратное: миметическое желание является благом по своей сути. Миметичность желания предоставляет человеку свободу и человечность. Вместе с тем миметизм превращает субъекта в марионетку, исключая конкурирующие интенции. Тождество поведения приводит к всеобщему хаосу обезличенности [2, с. 31]. Обезличенная масса девальвирует личность, поддается управлению и соблазнам подчинения. Миметичность желания предоставляет человеку выбор в пользу божественности или человечности, заставляя его не впасть в животное состояние. Целесообразно подчеркнуть, что миметическое желание амбивалентно: выступая в качестве мотивации для развития культуры, например, в формировании языков, одновременно с этим оно оказывается ответственным за порождаемое скрытое желание, в результате приводящее к пароксизму насилия.

Исходя из миметичной природы желания, Р. Жирар определял насилие как «жажду», как избыточную психофизиологическую энергию, которая должна быть устранена из коллектива посредством жертвоприношения. Насилие дезинтегрирует общество и является принципиально неустранимым, более того – миметическим, т. е. обладающим свойством взаимности: оно всегда вызывает ответное насилие. С точки зрения Р. Жирара, единственным выходом из такой ситуации является возможность посредством акта жертвоприношения перенаправить насилие, изменив тем самым его качество. Однако, как справедливо отмечал французский мыслитель, насилие «само умеет находить весьма основательные причины, когда хочет разразиться» [1, с. 8–9]. Тяготение человеческого сообщества к большей сплоченности предполагает определенного рода одинаковость, схожесть его членов. Стремление к подобию, с одной стороны, способствует интеграции, но, с другой стороны, срабатывает система с обратной связью: усиливается соперничество, желание подавлять и подчинять. В итоге возникает ситуация разрушительного насилия, т. е. миметический кризис. Преодоление этого кризиса возможно за счет перенаправления энергии, т. е. насилие, направленное на «всех против всех», должно трансформироваться в насилие «всех против одного» посредством конструирования фигуры «жертвы» или «врага». «Перехитрить насилие можно лишь постольку, поскольку ему предоставляют какой-то отводной путь, дают хоть чем-то утолить голод» [1, с. 11]. Проблема заключается в том, что, в итоге, перехитрить насилие не удастся, скорее сообщество оказывается в состоянии обманщика, обманувшего самого себя.

Ярким примером такой трансформации, согласно мысли Р. Жирара, является греческая трагедия, иллюстрирующая нерешенность конфликта: за-

тягивание его навечно за счет того, что между противниками нет никакой разницы. Трагедия представляет собой равновесие не справедливости, а насилия, раскрывая тайну о том, что у обеих сторон одни и те же основания, вернее – у насилия нет никаких оснований. Соответственно, трагическое действие представляет собой серию актов мести. Так, например, «судьба, всегда ироническая (иначе говоря, насилие), заставляет Геракла осуществить злейший план его соперника: он сам в конце концов и приносит свою семью в жертву. Чем дольше длится трагическое соперничество, тем сильнее оно поощряет мимесис насилия, тем больше создает зеркальных эффектов между противниками» [1, с. 66]. Таким образом, трагедия раскрывает нарушение правила замещения жертвы и символизирует жертвенный кризис как результат самообмана. Неразличимость антагонистов, жертвы и палача порождает «чудовищную» тождественность, убийственное сходство. Жертвенный кризис является кризисом различий, т. е. их стирания. Мир и порядок основаны на культурной дифференциации, на определенном структурировании, поэтому не сами различия, а их утрата вызывает сильнейшую конфронтацию, соперничество между тождественными друг другу членами сообщества. Р. Жирар справедливо отмечал, что если «насилие – сперва скрытое – жертвенного кризиса уничтожает различия, то само это уничтожение, в свою очередь, ускоряет ход насилия» [1, с. 69]. Таким образом, причина хаоса, несущего насилие, – не само различие, а его утрата. Именно об этом, т. е. о разрушении культурного порядка, говорит древнегреческая трагедия. Утрата различий оборачивается проявлением «обезразличенного насилия», которое сколь бы ограничено ни было вначале, способно распространиться и уничтожить все общество. Мифы и трагедии, с точки зрения Р. Жирара, несут в себе это неявное знание о насилии [3].

Глобализирующийся мир представляет собой определенную модель унификации экономики, политики и национальных культур, реализуемую за счет стандартизации индивидов, их социальных практик. Все это приводит к размыванию различий и формированию «чудовищной» тождественности, что, согласно основным позициям концепции «жертвенного кризиса» Р. Жирара, непосредственно ведет к разрушающему насилию.

Жертвоприношение как профилактический инструмент в борьбе с насилием напрямую связан с кризисом не только «жертвенным», но и священным. Место священного на современном этапе подменяют идеологические мифы, удобовоспринимаемые фейки, которые диктуют обществу новые тенденции в поисках священного. Сосредоточение благого в одном преобразовывается в симулякр сакрального. Происходит девальвация вictimных признаков, и жертвой может стать любой. Такое явление проследим на примере террористических актов. Терроризм предполагает достижение определенных политических целей, воздействуя на общество и общественное мнение. Первоочередная цель – запугать людей. Жертвами радикалов становятся случайные люди, оказавшиеся в поле влияния насилия только

потому, что уничтожено различие. Получается, что все оказываются двойниками друг друга, именно поэтому насилие терроризма «обезразличивает» всех, стремясь захватить как можно больше жертв и сделать террористическое действие максимально ужасающим. Полагаем, что такое явление, как терроризм, возможно за счет появления двойников жертв, т. е. случайных жертв. Фигура жертвы не обладает уникальностью и различимостью для палача. Более того, акты терроризма ввергают современное общество в архаическую эпоху порождения насилия через озлобленность и месть. Таким образом, терроризм завязан на миметичности насилия через акты мести, и именно в этом коренится его сущность, а также возможности его минимизации. Как справедливо отмечал Р. Жирар, «чтобы прекратить месть (в наши дни чтобы прекратить войну), мало убедить людей в том, что насилие отвратительно; именно потому, что они в этом убеждены, они считают себя обязанными мстить» [1, с. 25].

В случае «жертвенного кризиса» целесообразно обратиться к проблеме неразличимости в интернет-пространстве. Анонимное использование интернет-ресурсов перекладывает ответственность с реального времени на виртуальное. Каждый «гость» интернета чувствует свободу, которая предоставляет возможность выплескивать агрессию и тем самым дает пространство насилию. Скрытность – гарант безопасности пользователя от прямого насильственного воздействия. На современном этапе интернет-пользователь занимает амбивалентную позицию, будучи одновременно жертвой и агрессором. Любой из оскорбляющих имеет возможность инверсироваться в жертву. Исходя из этого правомерно утверждать, что человек, распространяющий насилие в интернет-пространстве, переносит безнаказанность в ситуации во вне, тем самым нивелируя ответственность, накладываемую судебной системой. Касаясь этого аспекта проблемы, правомерно провести сравнение с паноптическим механизмом, который в цифровую эпоху разворачивается на уровне кибернетизма, что позволяет исследовать новые дискурсивные практики дисциплинарной власти. Хакерские атаки не оставляют лагун в интернет-пространстве, а пользователь остается под надзором, помещая личную информацию в сеть. «Современное общество – единственное, которое может вызывать миметическое желание в многочисленных сферах, не боясь развязать непоправимое горячее нагнетание системы, кибернетический выход из-под контроля» [5, с. 359].

Глобализирующие тенденции запустили процесс унификации культур, породивших убийственную схожесть. Стирание различий приводит к «чудовищной» двойственности, благодаря которой на авансцену выходит «жертвенный кризис», являющий насилие. Фигура «врага» по-разному конструируется в зависимости от распределения сил на международной политической арене, а культура отмены выступает средством нивелирования не только индивидов, но и целых народов. Таким образом, насилие, каждый раз перенаправляясь на новую фигуру «врага» и будучи латентным сред-

ством культуры отмены, препарирует социальное пространство, создавая зоны отчуждения. «Распространяясь, оно дезинтегрирует участников, настроив категорично друг против друга. Мы вошли в эпоху непредсказуемых проявлений враждебности» [1, с. 78]. Непредсказуемость – результат сокрытия миметической враждебности под масками демократических форм разрешения конфликтов.

Исходя из теории Р. Жирар, предположим, что заместительная жертва смогла бы вывести энергию насилия за пределы сообщества. Однако на современном этапе нет границ, за которые можно было бы вывести энергию насилия и спасти общество от пароксизма губительной миазмы. В условиях тотального жертвенного кризиса современности государство уже не представляет собой закрытого пространства, его границы прозрачны и пропускают не только денежные потоки и информацию, но и риски, насилие, а значит, иного русла для изменения направленности и качества насилия не существует. Новая архитектура социальной реальности стала развиваться в так называемом «сетевом поле», не предполагающем существования не только непрозрачных границ, но и четко фиксированного центра. В сложившейся ситуации важно понимать, что подведение под некий общий знаменатель уникальных в своем культурном проявлении народов, имеющих собственную историю, очень опасно. Культура отмены, стигматизируя народы и государства, создает ужасающую ситуацию «двойников», играя с огнем насилия.

Список использованных источников

1. *Жирар, Р.* Насилие и священное / Р. Жирар; пер. с фр. Г. Дашевского. – 2-е изд., испр. – Москва: Новое лит. обозрение, 2010. – 448 с.
2. *Жирар, Р.* Козел отпущения / Р. Жирар; пер. с фр. Г. Дашевского. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.
3. *Сидоренко, И. Н.* Философия насилия: от метафоры к концепту / И. Н. Сидоренко. – Минск: БГУ, 2017. – 175 с.
4. *Жирар, Р.* Вещи, сокрытые от создания мира / Р. Жирар; пер. с фр. – Москва: Изд-во ББИ, 2016. – 518 с.
5. *Жирар, Р.* Ложь романтизма и правда романа / Р. Жирар; пер. с фр. А. Зыгмонта. – Москва: НЛО, 2019. – 352 с.

(Дата подачи: 28.02.2025 г.)